

Тан Фан был полностью поглощен своими мыслями. Его ноги шли по улице, тогда как разум блуждал где-то в другом месте. Кулак под носом вернул его в реальность, и он подсознательно отступил на два шага. Запнувшись о корзинку торговца мандаринов, он пошатнулся и потерял равновесие, чуть не упав.

В этот самый момент кто-то протянул руку и, схватив Тан Фана за пояс, оттащил его в сторону, не дав ему очутиться на земле.

— Ты в порядке?

Тан Фан обернулся на голос и обнаружил у себя за спиной Суй Джоу.

Тот был одет в свои официальные одежды, что означало, что он направлялся либо из Северного Двора, либо в Северный Двор.

— В порядке, — Тан Фан лишь махнул рукой. Он, хоть и не был столь смел и силен, как Суй Джоу или Ван Джи, в конце концов, был взрослым мужчиной. Разве он мог испугаться подобной мелочи? Он просто был слишком неосторожен и позволил застигнуть себя врасплох.

Придя в себя, Тан Фан понял, что в этот удар не было вложено особо много силы. Ему досталось совершенно случайно. Двое прохожих подрались, а он, не видевший, куда шел, оказался прямо в центре драки.

Двое мужчин громко кричали и дрались, так что вокруг собралось немало зевак.

Тан Фан понял, в чем дело, лишь слегка послушав их брань.

Близился конец года и начало пятнадцатого года правления Чэнхуа, который по обыкновению встречали возжиганием благовоний. Улицы столицы были необычайно многолюдными.

Из двух драчунов один шел позади другого.

Тот, что шел спереди, внезапно почувствовал, как кто-то коснулся его пояса, и, заподозрив неладное, ощупал свою одежду. И точно — его кошелек пропал.

Оглянувшись, он заметил позади себя человека, который шел и улыбался ему.

Обворованный прохожий остановился и, схватив незнакомца, принялся обвинять его в том, что тот украл его кошелек.

Мужчина позади него не желал уступать и настаивал на своей невинности.

После чего эти двое подрались. Первый хотел отвести второго к властям, тогда как второй идти отказывался, вызвав тем самым у первого еще больше подозрений.

Человек, у которого украли деньги, ругался:

— Посмотри на себя! Выглядишь как бедный ученый. Утверждаешь, что не крал, а сам боишься пойти со мной к властям! И не стыдно!

Его оппонент тоже не отставал:

— Из твоего рта льются помои! Только и можешь, что обвинять честных людей! Я ничего не крал. Зачем мне идти к властям? Я не пойду!

Их окружила толпа зевак, перекрыв улицу. Большинство просто смотрели, тогда как остальные уговаривали их успокоиться. Тан Фан по неосторожности оказался прямо в центре круга. Однако двое драчунов даже не заметили, что чуть было не задели Тан Фана, и продолжали ругаться.

— Вы двое! Вы двое, слышите, что я говорю? — раздался голос, однако те были так увлечены дракой, что не обратили на него никакого внимания. Только заметив блеснувший перед их глазами холодный свет, они непроизвольно отпрянули, каждый в свою сторону. Присмотревшись получше, они поняли, что перед ними стоит офицер Императорской Стражи, и тотчас остановились.

Один из них жалобно воскликнул:

— Господин, Вы пришли как раз вовремя! Пожалуйста, восстановите справедливость для этого несчастного! Этот человек украл кое-что у меня и не признается!

— Господин, не слушайте его! — вмешался второй. — Я просто шел по улице по своим делам, как вдруг он схватил меня, крича, что я вор! Разве это справедливо?

Суй Джоу молчал, однако Тан Фан счел своим долгом высказаться:

— Что, говоришь, он у тебя украл? — спросил он первого.

— Мешочек для серебра, — ответил тот. — В нем были все мои деньги, на которые я хотел купить кое-что для празднования нового года, но теперь их нет!

Второй сердито похлопал себя по бокам:

— Твои деньги пропали, какое это имеет ко мне отношение? У меня нет того, что ты ищешь!

— Пойдем в префектуру и там станет ясно! — холодно усмехнулся первый. — Если ты не вор, то сообщник! Иначе зачем было улыбаться мне, когда я обернулся?

— Слышал звон, да не знает, где он! — воскликнул второй. — Прекращай так просто кидаться обвинениями!

Видя, что эти двое снова принялись за свое, Тан Фан перебил их и обратился к первому:

— Он не лжет. Он действительно не вор.

Первый не выглядел убежденным, однако Тан Фан больше не обращал на него внимания. Вежливо сложив руки, он спросил у второго:

— Могу я спросить, как твое имя, дружище?

В отличие от окружающих их зевак, Тан Фан был вежлив. Кроме того, рядом с ним маячила фигура офицера Императорской Стражи, так что второй господин тотчас сложил руки и поклонился:

— Конечно. Моя фамилия Ю, а имя — Хао.

— Так значит, братец Ю, — улыбнулся Тан Фан, а затем снова обратился к первому: — А как зовут тебя, приятель?

— Ну коли так, — отвечал тот, — все, кто знают, кличут меня хозяином Ло.

Он был пухленьким, да и одет с иголки, так что вполне заслуживал зваться «хозяином».

Тан Фан с улыбкой продолжил:

— Хозяин Ло, посмотрите на нефритовую табличку, висящую у него на шее, и нефритовый кулон на его поясе. Что на них выгравировано?

Глаза всех присутствующих, впрочем, как и хозяина Ло, обратились к нефритовым украшениям.

В то время было не так много грамотных людей, однако некоторые из зевак смогли прочитать эти иероглифы. На нефритовой табличке, висевшей на шее Ю Хао, было выгравировано «Юаньсян», а на кулоне «Ю».

И хоть хозяин Ло и звался хозяином, он был безграмотен, так что несколько смутился.

Заметив это, Тан Фан прочитал ему надписи вслух, а затем объяснил:

— В песнях Чу говорится: «необъятный Юаньсян». Стиль написания одинаковый, что свидетельствует о том, что и кулон, и табличка принадлежат ему. Зачем вору носить их при себе? Он без колебаний сообщил мне свое имя. Очевидно, что он не лгал, а значит, это не он украл твой кошелек.

Услышав эти слова, хозяин Ло совсем не обрадовался. Из-за Суй Джоу он не смел ничего выкинуть, но принять правду отказывался:

— Милостивый господин, а ты сам-то кто будешь? Нам все равно следует пойти к властям, чтобы выяснить, вор он или нет — твои слова ничего не значат!

Тан Фан тотчас помрачнел:

— Я магистрат префектуры Шунтянь. С подобной ерундой я разобраться могу, чтобы избавить Старшего магистрата от счастья лицезреть вас. Думаю, ты и сам знал, что Ю Хао ничего у тебя не крал. Просто злишься из-за пропажи. Видя его улыбку, ты решил сделать его козлом отпущения, верно?

— Ты! — неуверенно пробормотал хозяин Ло. — Хватит нести чушь!

— Коли ты так сильно желаешь обратиться к властям, — равнодушно пожал плечами Тан Фан,

— мы можем сходить. Ты ложно обвинил Ю Хао, твои вещи не вернут, а вот палок получишь. Ты хорошо подумал?

Хозяин Ло замахал руками:

— Да не нужно мне от него ничего. Не хочу в это ввязываться! — после чего попятился и, растолкав зевак, убежал, позабыв о своей пропаже.

С самого начала дело было пустяковым, поэтому Суй Джоу не стал преследовать и ловить хозяина Ло.

Несправедливо обвиненный Ю Хао поспешил поблагодарить Тан Фана, тогда как зрители буквально аплодировали его сообразительности и наблюдательности.

Тан Фан с Суй Джоу протиснулись сквозь толпу и прошли достаточное расстояние прежде, чем шум вокруг стих.

— Ты собираешься в Северный Двор? — спросил Тан Фан.

— Угу, — ответил Суй Джоу. — Сегодня у меня нет дел. Просто на переключку иду. Ты чем-то расстроен?

— Как ты это понял? — Тан Фан приподнял бровь.

— У офицеров Императорской Стражи и вас, магистратов, много общего: нужно быть очень наблюдательным. Однако я не так сообразителен, как ты. Ты был рожден для этого.

Тан Фан шел, заложив руки за спину.

— Да, — вздохнул он. — Мы с господином Старшим магистратом сегодня ходили к нашему учителю и немного поссорились. Учитель не понял меня, так что я начал сомневаться. Вдруг я что-то делаю не так. Гуанчуань, — обратился он к Суй Джоу, — я не уверен, уместен ли будет мой вопрос. Императорская Стража занимается арестами и может делать это без разрешения суда. В стенах Императорской тюрьмы происходит много жестокостей. Ты многое повидал. Неужели не было такого, что твое сердце дрогнуло?

— Было, — Суй Джоу слегка наклонил голову.

Заметив любопытство Тан Фана, он принялся рассказывать:

— Ты же знаешь, что хоть мой старший брат и получил должность в Императорской Страже, он давно мечтает о том, чтобы сдать Императорский экзамен и сменить род деятельности?

— Да, — согласно хмыкнул Тан Фан. — Ты мне рассказывал.

— На самом деле, — продолжил Суй Джоу, — когда я был моложе, я тоже думал об этом, а посему понимаю его желание. Он не хочет, чтобы на него смотрели свысока, как на человека, ставшего военным чиновником лишь благодаря родственным связям, поэтому решил пробить себе путь сам. Разница между нами заключается в том, что я раньше своего брата смог принять реальность.

Тан Фан вздохнул. Императорские экзамены проходили каждые три года. Со стороны может показаться, что это не так уж и редко, однако сколько подобных трехлеток в жизни человека? В каждом поколении были талантливые люди, и все же для сдачи Императорского экзамена одного таланта не доставало. Да даже упорством его было не сдать. Многое зависело от удачи. Одним лишь тяжелым трудом успеха не добиться.

Сколько талантливых людей со всей страны сдавало Императорский экзамен каждые три года? Чтобы выделиться среди этой многотысячной толпы, необходимо было быть человеком незаурядным. Тан Фан уже встречал старшего брата Суй Джоу и знал, что он таковым не являлся. Если бы он смог смириться со своим привилегированным положением или, как младший брат, выполнять свои служебные обязанности, он бы не тратил свое время впустую. И то, что он этого так и не понял, было весьма прискорбно.

— Когда я только попал в Северный Двор, — услышал он слова Суй Джоу, — я работал над кое-каким делом. Один цензор подал жалобу на Благородную наложницу Ван и ее брата за то, что те взяли под контроль Императорский гарем и Императорскую Стражу, весьма нелестно высказавшись в их адрес. Ван Тун пришел в ярость. Он арестовал цензора, запер в Императорской тюрьме, а затем сфабриковал улики и отправил всю его семью от мала до велика в ссылку. Поскольку я был новичком, да к тому же связан со Вдовствующей императрицей, я не должен был сопровождать их. Я знал, что они были невиновны, и восхищался этим цензором за то, что тот осмелился сказать то, чего другие боялись, а посему сам вызвался на это задание. Я сопровождал их до места ссылки, а затем заплатил местным чиновникам, отвечающим за их охрану, чтобы те лучше о них заботились. Я хотел подождать, пока буря уляжется, а затем замолвить за них словечко перед Его Величеством.

Тан Фан знал, что Суй Джоу лишь с виду такой холодный. Сердце у него было горячее. Он очень хорошо заботился о своих братцах-подчиненных, однако Тан Фан не ожидал, что тот готов броситься на помощь несправедливо обиженному незнакомому человеку. Его собственное сердце бешено заколотилось, и он с восхищением произнес:

— Если бы ты сделал это сразу, это было бы равносильно пощечине Ван Туна. А когда дело закончилось, он, возможно, даже не вспомнил бы, кто все эти люди. Тогда у тебя вполне вышло бы замолвить за них словечко перед Его Величеством.

Однако лицо Суй Джоу оставалось очень серьезным.

— По возвращении в столицу, — продолжал Суй Джоу хмуро, — я узнал, что тот цензор был замучен до смерти в тюрьме. Что касается членов его семьи... через два месяца я получил известие, что все они скончались от внезапной болезни.

Улыбка исчезла с лица Тан Фана:

— Ван Тун подослал кого-то сделать это?

— Я не знаю, — ответил Суй Джоу. — Но после того инцидента больше никто не смел против Ван Туна и слова молвить. Никто больше не желал рисковать своими семьями и писать жалобы против него и Благородной наложницы Ван. Я осознал, каким наивным и бесполезным дураком был.

— Это не твоя вина, — вставил Тан Фан.

Суй Джоу кивнул:

— С тех пор я отбросил все свои иллюзорные надежды, и мысли покинуть Северный Двор меня больше не посещали, потому как я понял, что, если бы мой голос в Императорской Страже имел хоть какой-то вес и я мог бы противостоять Ван Туну, эта семья, возможно, не закончила бы так плохо.

— Так ты поэтому остался в Северном Дворе? — спросил Тан Фан.

— Императорская Стража — палка о двух концах, — отвечал Суй Джоу. — При верном использовании может служить Великой Мин. А если использовать не по назначению, будет как сейчас. И так со многими вещами. Нельзя сказать, хороши они или плохи. Зависит от того, кто ими пользуется.

Они были друзьями, однако постоянно были заняты каждый своим делом, и им редко удавалось вместе гулять и общаться, как сейчас.

Даже несмотря на шум и суматоху вокруг, Тан Фан постепенно успокоился.

Он вздохнул и улыбнулся:

— Гуанчуань, многие говорят, что ты хладнокровный и бессердечный, считают, что военный чиновник, вроде тебя, что всегда действует только по приказу, на порядок ниже гражданских чиновников. Они не видят, что твое сердце, на самом деле, намного более чистое и искреннее, чем у кого-либо еще. Мне до тебя далеко!

Суй Джоу покачал головой. Его взгляд потеплел:

— Вовсе нет. Просто ты сейчас немного сбит с толку. Если не считаешь, что ошибся, то не останавливайся. Неважно, что говорит твой учитель или другие люди. Следуй пути, что подсказывает твое сердце, и тогда не будет ничего невозможного.

Тан Фан рассмеялся, внезапно озаренный:

— Следуй пути, что подсказывает твое сердце, и тогда не будет ничего невозможного! А ты? Ты-то согласен со мной?

— В стране долгое время царит мир, — спокойно ответил Суй Джоу. — Я тоже считаю, что война необходима, чтобы встряхнуть Двор и армию, однако столь несдержанного человека, вроде Ван Джи, не хватит надолго. Ветер валит самое высокое дерево. Он наживает все больше и больше врагов. Стоит лишиться благосклонности Императора — и он тотчас упадет со своей вершины и больше не сможет подняться. Нет ничего плохого в том, чтобы иметь с ним дело, однако будь осторожен, как бы он твое имя не запятнал. Я не хочу, чтобы он втянул тебя во что-нибудь.

Обычно он был немногословен, однако Тан Фан знал, что к его политическим суждениям все-таки стоит прислушиваться. Теперь, когда тот наконец открыл ему свое сердце, Тан Фан смог разглядеть, что за сдержанным внешним видом Суй Джоу, на самом деле скрывался глубоко проницательный человек с высокими стремлениями.

Неудивительно теперь, почему Император сравнил его с Сунь Цзицзуном. Тан Фан считал, что через некоторое время достижения Суй Джоу, скорее всего, будут даже более значимыми, чем у Сунь Цзицзуна.

Подумав об этом, Тан Фан снова ощутил, как к нему вернулся его несерьезный настрой. Он тотчас пошутил:

— Как говорится, познал истину — умрешь без сожалений. Слова Гуанчуаня принесли мир в мое сердце. Должен ли я теперь встать перед тобой на колени и назвать своим учителем?

— Я не возражаю, — небрежно бросил Байху Суй.

Тан Фан все еще находился на больничном, поэтому ему не нужно было идти в префектуру, а Суй Джоу просто направлялся на перекличку, так что тоже особо никуда не спешил. Они неторопливо шли, болтали и смеялись.

Зима сменила осень. Становилось все холоднее и холоднее. Зима в Пекине наступала быстро, так что люди, которые совсем недавно ходили в тонких халатах, все как один были закутаны в теплые одежды.

Тан Фан только оправился после болезни, а потому укутан был особенно тщательно, однако тепло на сердце ему было не поэтому, а благодаря словам и заботе его друга.

Заметив торговца засахаренными ягодами на краю улицы, Суй Джоу купил две палочки и передал их Тан Фану.

— Малышке А Дун многовато будет. Я помогу ей с одним, — Тан Фан с улыбкой взял их и тотчас принялся уплетать за обе щеки.

Суй Джоу молчал: «Я же знаю, какой ты обжора. Ешь так ешь. Зачем было оправдываться?»

Отвлечшись на пару мгновений, он снова повернулся к Тан Фану и обнаружил, что руки того пусты.

Суй Джоу: «...»

Господин Тан смущенно потянул его за рукав:

— Пойдем-пойдем! Купим еще палочку. Те две были какими-то несвежими, поэтому я их выкинул.

«Ты же не думаешь, что я не заметил пустые бамбуковые палочки у тебя в руке?» — озадаченно подумал Суй Джоу.

В надежде, что Суй Джоу не разоблачит его, господин Тан, широко улыбаясь, врал и даже не краснел.

Купив еще засахаренных ягод, Тан Фан внезапно вскрикнул:

— Я совсем забыл!

Суй Джоу озадаченно покосился на него: он уже и так наговорил кучу всего — самое время наконец помолчать.

Тан Фан рассказал ему о своем пари с Ван Джи:

— Он все еще должен мне обед в павильоне Сяньюнь, — наконец заключил он, — однако даже не заикнулся об этом, когда приходил. Неужели он так просто забыл о своем обещании?

«И ты все это время думал об этом?..» — пронеслось у Суй Джоу в голове.

— Ты уже забыл обо всем, о чем мы только что говорили? — тихо пробормотал Суй Джоу.

— Да не забыл я, не забыл, — смущенно рассмеялся Тан Фан. — Держать с ним дистанцию — я помню. Но это потом, после того как он заплатит за обед. Это так дорого... — его голос становился все тише и тише, а лицо все более виноватым. В конце концов, он не выдержал и решил смяться: — Пойду отнесу ребенку засахаренных ягод, пока глазурь не растаяла! Ты занят, так что пока-пока! — с этими словами он испарился без следа вместе со сладостями.

Суй Джоу лишь беспомощно покачал головой.

Тан Фану было уже намного лучше, а значит, он больше не мог мариноваться в отпуске по болезни. Даже если его старший соученик был старшим магистратом префектуры Шунтянь, Тан Фан все еще должен был работать, а посему ему пришлось возобновить свою прежнюю однообразную жизнь: метаться между префектурой Шунтянь и домом.

В день отъезда семьи Цю Цзюаня из столицы он пришел проводить его.

Ссоры ссорами, разногласия разногласиями, однако статусы учителя и ученика, а также их взаимная привязанность друг к другу никуда не делись, они бы не исчезли так просто из-за какого-то недоразумения.

Цю Цзюань не ожидал, что Тан Фан, с которым он так плохо расстался в прошлый раз, придет проводить его.

У него было немного учеников в столице, да и не все они пришли попрощаться с ним.

Как говорится, легко добавить цветы в парчу, а вот уголь по снегу доставить сложно*. И дело было не в том, что Цю Цзюань пользовался теперь плохой репутацией, просто люди склонны действовать по обстоятельствам.

Пань Бинь не пришел под предлогом того, что у него было много дел в префектуре. На самом же деле он просто боялся обидеть Императора.

Цю Цзюань не винил его. В официальных кругах нужно вести себя аккуратно. Кроме того, Пань Бинь уже приходил к нему, что могло быть сочтено за выполнение ученического долга.

Однако Тан Фан, Се Цянь и некоторые другие все же пришли.

Они сдавали Императорский экзамен в тот же год, что и Тан Фан. Но в отличие от Тан Фана, который впоследствии стал учеником Цю Цзюаня, могли звать его лишь экзаменатором.

Цю Цзюань был растроган и больше не воротил нос от Тан Фана, как в прошлый раз, и даже одобрительно похлопал его по плечу.

— Я раздумывал над тем, что ты сказал мне в тот день, — проговорил Цю Цзюань. — Хоть наши мнения и не сходятся, я вижу, что ты тщательно все обдумал. Я не очень хорош в чиновничестве и не могу заставлять своих учеников становиться такими же невежественными, как я. Пока в твоём сердце есть место для страны и народа, а не только для личных целей и стремлений, пока ты готов что-то делать, ты не разочаруешь меня.

Тан Фан не ожидал, что его обычно упрямый учитель на этот раз готов будет пойти на компромисс. Возможно, это было из-за того, что его выслали из столицы. Сегодня старик не был таким твердолобым, как раньше, а наоборот, казался вполне себе рассудительным.

У него был не один учитель, однако Цю Цзюань был человеком, которого он действительно очень уважал. Конечно же, он не хотел разрывать с ним отношения только лишь из-за разницы в политических взглядах, поэтому, услышав это, он встал на колени и поклонился Цю Цзюаню:

— Этот ученик будет верен наставлениям учителя.

Сказав еще несколько слов на прощание, Цю Цзюань, видя, что время уже позднее, последовал уговорам членов своей семьи и сел в повозку.

Цю Цзюань на протяжении стольких лет занимался науками, так что его семья была небогата. Все повозки были заполнены людьми и книгами.

Раздался свист кнута, крик кучера, и повозки двинулись вперед, постепенно исчезая вдаль.

Хоть Пань Бинь и был старшим магистратом префектуры Шунтянь, на самом деле, его должность в столице была не такой уж и значимой, и он не мог особо покровительствовать Тан Фану. В прошлый раз стоило только Ван Джи его пальцем коснуться, как он тотчас до смерти перепугался и спрятался за спину Тан Фана, заставив его разбираться с Ван Джи.

Цю Цзюань же, хоть и занимал невысокий пост, на самом деле был не последним человеком и обладал значимым голосом в литературных кругах. Пока он был в Пекине, он мог служить Тан Фану и остальным ученикам неплохим подспорьем. Теперь же, когда он уехал, они лишились и этой поддержки.

Глядя на то, как другие наставники и экзаменаторы входили в Кабинет или Шесть Министерств, Се Цянь, Тан Фан и остальные могли лишь проклинать свою судьбу.

Когда повозки скрылись из виду, ученики начали расходиться.

Се Цянь похлопал Тан Фана по плечу:

— Почему бы тебе не попробовать вернуться в Императорскую академию? С тех пор как академия лишилась тебя... что уж говорить, там стало так одиноко.

— Точно, — с усмешкой заметил Ван Хуа. — Сначала я был очень счастлив. Особенно, когда мы ходили на обед. Одним чревоугодником стало меньше — я думал, мне больше достанется. Не ожидал, что без твоих волшебных приправ еда и напитки покажутся мне такими безвкусными!

Тан Фан искоса взглянул на этих двоих:

— Вам просто не из кого больше тянуть деньги!

— Ну что за «тянуть»? — проворчал Се Цянь. — Мы абсолютно искренни. Особенно это касается Лю Цзяня. Этот парень постоянно ноет. Говорит, что без понятия, сколько лет нам еще киснуть в Императорской академии. Он даже немного завидует тебе, тому, кто так просто ушел!

Зимой ночи длиннее, а солнца все меньше и меньше.

Его учителя выслали, и теперь он был вынужден слушать жалобы Се Цяня и остальных о том, как скучно и грустно было в Императорской академии. Однако Тан Фан, к собственному удивлению, не был особо подавлен.

И все благодаря его недавнему плодотворному разговору с Суй Джоу.

Теперь он был тверд в своих убеждениях, так что сомнениям в его сердце было не место.

Его губы изогнулись в легкой улыбке.

Время шло. Приближался новый год.

С дела Восточного дворца прошло немало дней. Ван Жи давно покинул столицу и уехал на север. Об обещанном им повышении новостей не было. Кажется, об этом все позабыли. Однако Тан Фану было все равно: он был по-прежнему ужасно занят в префектуре Шунтянь.

В это самое время префектура Шунтянь закрыла свои двери.

Другими словами, с сегодняшнего дня Тан Фан и другие чиновники были официально отправлены в новогодний отпуск.

Послесловие автора:

О Небеса! Я нашла у себя ошибку: в некоторых предыдущих главах Сюэ Лин внезапно стал Сюэ Бином! Σ (° Δ ° |||) □

Но тут какие-то странности, не всегда получается отредактировать. В будущем у нас будет Сюэ Лин ~

Простите глупого автора. Разрешаю сегодня ущипнуть себя за лицо. Пожалуйста, не стесняйтесь... Т__Т

Что касается термина «господин» (□□ - дарен), во времена династии Мин он действительно использовался. Кроме него обычные люди по отношению к чиновникам использовали такие обращения, как «Господин» (□□ - лаое), «господин-чиновник» (□□ - чангуан) и другие. Это

общее обращение. С его помощью можно обращаться к любому чиновнику, не зная его ранга и должности. Два других какие-то не очень, поэтому я использую «господин» (□□ - дарен), которое у всех на слуху ~

Маленький театр:

Автор: Байху Суй, некоторые читатели зовут тебя «Императорской стравкой» (Императорская стража + травка, □□□□). Как тебе?

Суй Джоу: А как они зовут Ван Джи?

Автор: Командующий Ван (□□□ - Ван Гунгун), а что?

Суй Джоу: Думаю, будет лучше звать его так, как Жунцин его зовет.

Автор: Вы хотите, чтобы читатели звали его командующим Ваном (□□ - Ван Гун)? Не ожидала, что ты так уважаешь Командующего Вана!

Суй Джоу (спокойно): Нет. Зовите его не командующим, а доминирующим Ваном (□□ - тоже Ван Гун, но □ означает актива в гомо-паре), чтобы время от времени напоминать ему об его «неполноценности».

Автор: ... (как же ядовито. Ужасно ядовито - аж перекосило)

Примечания переводчика:

Шуточки от Мэн Сиши подъехали. Даже не знаю, как на эту красоту реагировать. Ну хоть смысл шутки с горем пополам удалось передать.

ТФ: «Слова Гуанчуаня принесли мир в мое сердце. Должен ли я теперь встать перед тобой на колени и назвать своим учителем?»

СД: просто мужем будет достаточно :З

* - «Легко добавить цветы в парчу, а вот уголь по снегу доставить сложно» - идиома, означающая что-то вроде: легко быть с человеком, когда он славен и богат, а вот когда все потеряет и ему потребуется помощь, мало кто останется подле него.

Я запуталась во временах года у Мэн Сиши. Две недели назад, когда Тан Фан спал на пороге, осень только приближалась. Я думала, это август-сентябрь. Теперь уже новый год скоро и зима почти наступила... Ну что могу сказать? Спать поздней осенью на улице - такая себе идея, господин Тан...

<http://tl.rulate.ru/book/50212/1554911>